ПОДЫМОВСКОЕ ДѢЛО.

Въ памяти моей сохранилось много разсказовъ моего покойнаго отца о временахъ прошлыхъ. Проживъ на свѣтѣ 77 лѣтъ и болѣе полувѣка состоя на государственной службѣ, отецъ имѣлъ возможность многое слышать, видѣть, а во многомъ и лично участвовать. Къ сожалѣнію, онъ не велъ своихъ Записокъ, оставшіяся же послѣ него бумаги еще не разобраны. Я надѣюсь, что мнѣ удастся ихъ разобрать въ непродолжительномъ времени и приготовить къ печати; теперь же хочу разсказать объ одномъ сдѣланномъ имъ добромъ дѣлѣ, въ которомъ выказались особенно ярко и высокая, справедливая душа отца, и его энергическая настойчивость въ преслѣдованіи цѣли. Разсказъ этотъ я недавно имѣлъ случай провѣрить по офиціальнымъ документамъ, и потому ручаюсь за вѣрность передаваемыхъ фактовъ.

Предварительно разсказа, не лишнимъ нахожу сдѣлать краткій очеркъ служебной дѣятельности моего покойнаго отца.

Сенаторъ, дѣйств. тайн. сов. Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ родился 9-го Ноября 1788 года, а скончался 3-го Сентября 1865 года, 77 лѣтъ. Вся жизнь его, за весьма небольшимъ перерывомъ, была посвящена службѣ, имъ начатой съ 17-тилѣтняго возраста. Выпущенный въ 1806 году изъ 1-го Кадетскаго Корпуса подпоручикомъ артиллеріи, онъ, по протекціи дяди своего, прямо попалъ подъ непосредственное начальство всесильнаго тогда графа Аракчеева для исправленія при немъ адъютантскихъ обязанностей. Не легка вообще была служба при Аракчеевѣ, но адъютантская обязанность при немъ имѣла еще и ту непріятность, что грубое и высокомѣрное обращеніе Аракчеева не могло не оскорблять самолюбія. Установившіяся съ первыхъ же дней отношенія между начальникомъ и его юнымъ подчиненнымъ не предвѣщали послѣднему ничего хорошаго въ будущемъ. Выведенный однажды изъ терпѣнія уничиженіями, которыя приходилось испытывать отъ Аракчеева, отецъ рѣшился наконецъ высказать ему, что, не признавая въ себѣ способностей къ адъютантской должности, онъ проситъ о перемѣщеніи его въ строевую службу. Просьба эта была удовлетворена въ тотъ же день: отецъ получилъ приказаніе въ 24 часа оставить Петербургъ и отправиться на Кавказъ къ

мѣсту своего новаго назначенія. Съ этихъ поръ началась для отца боевая служба. Находясь въ дѣйствующей арміи и участвуя во всѣхъ походахъ и войнахъ того времени, онъ быстро двигался впередъ, отличаясь распорядительностію, храбростью и мужествомъ. 24 лѣтъ онъ уже былъ капитаномъ, командиромъ роты, имѣлъ Владимира и Анну съ бантами и Анну на шеѣ: ордена, которые въ былое время рѣдко давались въ этихъ чинахъ.

По домашнимъ обстоятельствамъ, въ 1820 году отецъ вышелъ въ отставку, а въ 1827 г., вступивъ снова на службу, былъ назначенъ жандармскимъ полковникомъ въ Орелъ. Въ этой должности онъ находился до Польской кампаніи, въ которой участвовалъ, состоя при главнокомандующемъ и исполняя обязанности генералъ-гевальдигера арміи. Произведенный въ 1833 году въ дѣйств. ст. совѣтники, онъ былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Кострому; а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, вслѣдствіе внезапной кончины матери нашей, подалъ въ отставку, желая посвятить себя воспитанію семи осиротѣвшихъ малолѣтныхъ дѣтей своихъ. Вмѣсто отставки его причислили къ Министерству Внутрен. Дѣлъ, а насъ опредѣлили въ казенныя заведенія. Въ 1835 году отецъ былъ назначенъ Петербургскимъ гражд. губернаторомъ, въ 1841 году сенаторомъ, и званіе это сохранилъ онъ до дня своей кончины. Кромѣ сего, послѣднія 20 лѣтъ жизни онъ былъ попечителемъ больницы св. Маріи Магдалины и попечителемъ Волковской (раскольничьей) богадѣльни.

Наибольшее число лѣтъ службы отца принадлежитъ его дѣятельности на гражданскомъ поприщѣ, дѣятельности, укрѣпившей за нимъ репутацію человѣка непоколебимо-честнаго, дѣятельнаго, правдиваго и справедливаго.

Дѣло о бракѣ маіора Подымова.

Въ Іюлѣ 1826 года послѣдовало учрежденіе Корпуса Жандармовъ, шефомъ котораго былъ назначенъ А. Х. Бенкендорфъ. Отецъ мой, въ то время женатый и въ отставкѣ, жилъ въ своемъ имѣніи Орловской губерніи близъ Ельца, но по предложенію Бенкендорфа рѣшился вновь вступить на службу, и былъ опредѣленъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ въ Орелъ. Квартира его въ Орлѣ была недалеко отъ приходскаго училища. Онъ замѣтилъ, что мимо оконъ его часто проходятъ ученики, и ему пришла однажды мысль бросить имъ изъ окна какія-то лакомства. Это неожиданное угощеніе понравилось мальчикамъ, и надежда на повтореніе нерѣдко собирала ихъ подъ окнами квартиры отца. Продолжая дѣлать это угощеніе, отецъ замѣтилъ одного изъ учениковъ, никогда не бросавшагося ловить кидаемыя лакомства и державшаго себя какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ товарищей. Такъ какъ вслѣдствіе этого

ему ничего не доставалось изъ лакомствъ, то отцу всегда приходилось подзывать его къ себѣ и надѣлять особо. Вся фигура этого мальчика возбуждала участіе. Онъ былъ лѣтъ десяти, одѣтъ бѣднѣе и хуже другихъ, вѣчно молчаливый, съ грустнымъ и запуганнымъ выраженіемъ лица и казался совершенно чужимъ среди шумной и веселой толпы остальныхъ дѣтей. Заинтересовавшись этимъ мальчикомъ, отецъ спросилъ однажды у одного изъ учениковъ, почему этотъ ихъ товарищъ всегда такой скучный и какъ бы дичится ихъ? А потому, отвѣчалъ ученикъ, что онъ не изъ нашихъ; мы вѣдь простые, а онъ дворянчикъ, помѣщичій сынъ. Самъ помѣщичій сынъ объяснилъ немного; онъ сказалъ, что отецъ его дѣйствительно былъ помѣщикъ Подымовъ, что при жизни своихъ родителей онъ жилъ съ ними въ деревнѣ, послѣ же ихъ смерти живетъ у бывшаго дворовaго человѣка своего отца, а младшіе его братья у другихъ добрыхъ людей. Сообщеніе это, возбудивъ еще болѣе участія къ мальчику, внушило моему отцу мысль собрать подробныя свѣдѣнія объ этихъ несчастныхъ сиротахъ, и вотъ что онъ узналъ отъ того дворовaго человѣка, который пріютилъ у себя сына бывшаго своего помѣщика.

У помѣщицы Подымовой было два сына, подполковникъ Доримедонтъ и маіоръ Ардаліонъ Подымовы. Оба они, по выходѣ изъ военной службы, служили по выборамъ; старшій, холостой, былъ Болховскимъ уѣзднымъ предводителемъ, а младшій, женатый на бывшей свой крѣпостной, былъ въ Болховѣ же судьею. Старшій братъ не долюбливалъ младшаго и даже старуху-мать вооружалъ противу брата; однажды онъ такъ ихъ разсорилъ, что старуха жаловалась начальству на непочтеніе къ ней младшаго своего сына. Производилось по этой жалобѣ дознаніе, но чѣмъ оно кончилось, ему неизвѣстно. Не знаетъ онъ также, за что между братьями бывали ссоры; но думаетъ, что изъ-за любви барина къ крѣпостной своей Еленѣ Ивановой, на которой въ послѣдствіи онъ женился. Вѣнчался баринъ въ своей приходской церкви села Коптева, и дѣти его отъ этого брака крещены были въ той-же церкви и тѣмъ же священникомъ, который вѣнчалъ барина. Послѣ смерти помѣщика, братъ его, бывшій предводитель, затѣялъ дѣло о наслѣдствѣ и доказывалъ, что брака вовсе не было, слѣдовательно и дѣти покойнаго брата его незаконныя. Имѣніе отдали ему, предводителю, а барыню съ тремя малютками выгнали изъ дому; вскорѣ она и померла. Тогда дѣтей добрые люди разобрали.

Дальнѣйшія свѣдѣнія, собранныя отцемъ по этому дѣлу, обнаружили не только рядъ преступныхъ дѣяній множества отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ присутственныхъ мѣстъ, въ полномъ ихъ составѣ.

Оказалось слѣдующее. По смерти мужа своего, маіорша Подымова обратилась въ Болховскую дворянскую опеку съ просьбою о назначеніи опекуновъ къ имѣнію ея малолѣтнихъ дѣтей: Александра 8, Дмитрія 4 лѣтъ и Валентина полугода. Опекунами были назначены: она, маіорша Подымова, и ротмистръ Петръ Шеншинъ. Вслѣдъ за симъ, родной братъ покойнаго, подполковникъ Подымовъ, подалъ въ ту-же опеку прошеніе, ходатайствуя объ отмѣнѣ сего постановленія на томъ основаніи, что имъ подполковникомъ Подымовымъ возбуждено въ Болховскомъ уѣздномъ судѣ дѣло противу вольноотпущенной брата его дѣвки Елены Ивановой, именующейся маіоршею Подымовою; что ему подполковнику Подымову, жившему въ одномъ селѣ съ своимъ роднымъ братомъ, никогда и ни отъ кого не было извѣстно, чтобы когда-либо и гдѣ-либо братъ его былъ вѣнчанъ съ упомянутою вольноотпущенною дѣвкою.

Опека, пріостановивъ сдѣланное ею распоряженіе и затребовавъ отъ вдовы Подымова представленія доказательствъ о дѣйствительности ея брака, имѣніе передала въ казенный присмотръ. Требуемыя доказательства были немедленно представлены. Подтверждая, что она была дѣйствительно вѣнчана въ своей приходской церкви села Коптева 9 Сентября 1814 года, приходскимъ священникомъ Никитою Анфиногеновымъ, вдова покойнаго сослалась: 1) на обыскную, метрическія и исповѣдныя книги, въ коихъ вездѣ она записана законною женою, какъ и рожденныя отъ этого брака дѣти ея записаны законными; 2) представила выданную ей на второй день брака (10 Сент.), тѣмъ же священникомъ Никитою, собственноручно имъ подписанную копію съ того листа обыскной книги, гдѣ бракъ ея записанъ; изъ этой копіи видно, что въ подлинной книгѣ бракъ этотъ записанъ на 14-мъ листѣ; 3) указала на формулярные списки мужа ея, бывшаго судьи, скрѣпленные подполковникомъ Подымовымъ, въ бытность его предводителемъ, и что въ спискахъ сихъ какъ она, такъ и дѣти ея, написаны законными; 4) указала на подписанные предводителемъ Подымовымъ журналы о выдачѣ ей маіоршѣ Подымовой денегъ по долговымъ ея претензіямъ, и наконецъ—5) сослалась на полученную въ судѣ справку изъ Консисторіи, изъ которой также видно, что она была законною женою своего мужа. Но всѣ эти несомнѣнныя доказательства не помогли подтвердить законность брака!

По судебному производству оказалось: 1) священникъ и причетъ села Коптева отозвались, что никогда не вѣнчали вольноотпущенную Елену Иванову съ маіоромъ Подымовымъ; 2) копіи съ листа обыскной книги не выдавали; 3) на 14 листѣ обыскной книги за 1814 г. вмѣсто брака Подымовыхъ записанъ бракъ крестьянина Митрофана Петрова

съ крестьянкою Акулиною Емельяновою; 4) метрическія книги и формулярные списки о службѣ покойнаго Подымова не отысканы, равно не оказалась въ дѣлахъ суда и полученная изъ Консисторіи справка, на которую ссылается просительница; и 5) судъ нашелъ, что именоваться въ долговыхъ дѣлахъ законною женою зависѣло отъ ея произвола, а потому постановилъ: для рѣшенія *о событіи* или *несобытіи* брака, передать дѣло на разсмотрѣніе Консисторіи.

Разсмотрѣвъ это дѣло, Консисторія опредѣлила: «сообщить Орловскому Губернскому Правленію и Болховскому Уѣздному Суду *о несобытіи брака маіора Подымова съ дѣвкою Еленою Ивановою, на которую за блудодѣйство возложить публичную церковную эпитимію*».

Получивъ таковое сообщеніе, Уѣздный Судъ немедленно распорядился: «*движимое и недвижимое имѣніе умершаго Подымова передать родному его брату подполковнику Подымову*».

Гражданская Палата, отмѣнивъ это рѣшеніе, постановила: «*имѣніе и малолѣтныхъ оставить по прежнему въ вѣдомствѣ дворянской опеки впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла*».

Но Правительствующій Сенатъ, по жалобѣ подполковника Подымова на такое дѣйствіе Гражданской Палаты, нашелъ нужнымъ послать указъ, коимъ, требуя отъ Палаты объясненія по дѣлу, *предписывалъ ей пріостановиться исполненіемъ своего рѣшенія*.

Такимъ образомъ, подполковникъ Подымовъ, оставленный, согласно опредѣленію Уѣзднаго Суда, владѣтелемъ имѣнія брата своего, округлилъ свое собственное состояніе, заключавшееся изъ 500 душъ крестьянъ. Малолѣтныя дѣти маіора Подымова очутились на улицѣ, совершенно одинокія и безпомощныя; ихъ несчастная мать померла отъ удара!

Съ этого времени, дѣло о бракѣ Подымова и о наслѣдствѣ послѣ него оставлено было безъ движенія, хотя вышеприведеннымъ указомъ Сената Гражданская Палата была обязана представить объясненіе. Подобное же объясненіе требовалось и Синодомъ отъ Консисторіи, вслѣдствіе жалобы вдовы Подымова. Но опытные чиновники помянутыхъ присутственныхъ мѣстъ на этотъ разъ оказались менѣе торопливы, чѣмъ когда дѣло шло объ ограбленіи несчастныхъ сиротъ. Всѣ дѣйствующія лица въ этомъ гнусномъ дѣлѣ имѣли основаніе думать, что требуемыя свѣдѣнія могутъ быть и вовсе не доставлены, и что гораздо проще самое дѣло сдать въ архивъ, подобно тому какъ это уже было сдѣлано духовнымъ начальствомъ, прекратившимъ даже начатое слѣдствіе объ исчезновеніи документовъ, доказывавшихъ законность брака Подымовой, и особою резолюціею освободившее виновныхъ отъ взы-

сканія, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста, послѣдовавшаго по случаю восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Никто изъ мѣстныхъ властей, никто изъ мѣстнаго общества не вступился за ограбленныхъ дѣтей.

Лица, пріютившія этихъ несчастныхъ малютокъ, могли лишь не дать имъ умереть съ голоду, но сдѣлать что либо болѣе этого не могли и не смѣли. Сами они были такіе же безгласные, забитые и безпомощные, какъ и признанныя незаконнорожденными малолѣтныя дѣти бывшаго ихъ помѣщика, умершаго маіора Подымова.

Но счастливый случай, ознакомившій моего отца со всѣми подробностями этого дѣла, послужилъ поводомъ къ пересмотру всего производства.

На всеподданнѣйшемъ по сему дѣлу докладѣ шефа жандармовъ послѣдовала собственноручная высочайшая резолюція, обязывавшая министра юстиціи вытребовать это дѣло къ себѣ для пересмотра и о послѣдующемъ доложить Его Величеству.

Такое же приказаніе было дано и оберъ-прокурору Сѵнода.

Эти распоряженія заставили участниковъ ограбленія малолѣтныхъ Подымовыхъ позаботиться запрятать концы въ воду, чтобы спасти себя отъ грозившей имъ бѣды. Достигнуть сего они надѣялись новыми мошенничествами, долженствовавшими еще болѣе запутать дѣло. Но всѣ ихъ козни потерпѣли полную неудачу. Несчастныя сироты имѣли теперь въ лицѣ отца моего дѣятельнаго и энергичнаго защитника.

Въ то время какъ Сѵнодъ разсматривалъ вытребованное имъ подлинное производство Орловской Консисторіи, а Сенатъ-дѣйствія гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ, отецъ мой съ неутомимою настойчивостію продолжалъ собирать свѣдѣнія, необходимыя для разъясненія дѣла. Ему удалось такимъ образомъ открыть существовавшія по дѣлу Подымовыхъ сношенія между секретаремъ Сѵнода и секретаремъ Консисторіи и полученіе первымъ денегъ отъ послѣдняго; обнаружить подкупъ со стороны подполк. Подымова служащихъ въ 8 департаментѣ Сената; отыскать метрическія и другія книги, а равно и пропадавшіе формулярные списки умершаго судьи Подымова, подписанные его братомъ-предводителемъ и, къ довершенію всего, отыскать состоявшаго тогда за штатомъ старика-священника, который вѣнчалъ Подымовыхъ. Словомъ, благодаря его неутомимой энергіи, были найдены всѣ документы для возстановленія гражданскихъ и имущественныхъ правъ малолѣтныхъ сиротъ и указаны главные виновники злоупотребленій, допущенныхъ въ этомъ дѣлѣ.

Всѣ наглые и дерзкіе поступки участниковъ искаженія истины, ихъ подлоги, подкупы, изчезновеніе документовъ и другія неправиль-

ности дѣлались съ полною увѣренностью въ безнаказанности; а эта увѣренность являлась вслѣдствіе участія въ преступленіяхъ *не однихъ мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ Консисторіи.* Дѣйствительно, оказалось, что заправлявшіе всѣмъ производствомъ дѣла секретарь Консисторіи и архиваріусъ, не безъ вѣдома старшихъ, составляли доказательства о *несобытіи брака.* Очевидно, что при такихъ условіяхъ было еще труднѣе добиться правды.

Не встрѣчая въ этомъ себѣ содѣйствія со стороны властей гражданской и духовной, отецъ вынужденъ былъ преодолѣвать много препятствій для полученія хотя бы и неважныхъ свѣдѣній, могущихъ разъяснить дѣло. Одни изъ начальствующихъ бездѣйствовали, потому что сами были скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ, а другіе—по недостатку характера и непривычкѣ строго относиться къ своимъ обязанностямъ. Къ послѣднимъ принадлежали губернаторъ П. А. Солнцевъ и прокуроръ, которые, наконецъ, увидѣвъ въ важности сдѣланныхъ открытій личное для себя неудобство сидѣть сложа руки, усердно принялись помогать отцу.

Обнаруженіе подкуповъ, подлоговъ и отысканіе пропадавшихъ документовъ все еще не уясняли того страннаго обстоятельства: почему бракъ Подымова нигдѣ не былъ записанъ въ обыскной книгѣ? Обстоятельство это могло быть разъяснено только священникомъ, вѣнчавшимъ покойнаго; но лица, заинтересованныя въ сокрытіи истины, тщательно скрывали и его мѣстопребываніе. Добившись, послѣ многихъ неудачъ, гдѣ можно найти этого священника, отецъ отправился его разыскивать.

Въ одной изъ окраинъ Орла, въ мѣстности имѣющей полное право называться трущобою губернскаго города, въ полуразвалившейся избѣ, жило семейство бывшаго пономаря церкви села Коптева, Якова Никитина Соколова, роднаго сына священника,. вѣнчавшаго Подымова. На вопросъ отца, дома-ли священникъ и можно-ли его видѣть, пономарь отвѣчалъ, что его отецъ давно уже по случаю болѣзни не выходитъ изъ дома, присовокупилъ, что онъ теперь въ банѣ, здѣсь-же на дворѣ, и отправился узнать, можетъ-ли онъ придти. Отвѣтъ былъ отрицательный. Пономарь объявилъ, что его отецъ такъ боленъ и слабъ, что не только не въ состояніи сдвинуться съ мѣста, но и говорить ничего не можетъ. Оставалось лично убѣдиться въ справедливости сихъ словъ, и отецъ мой отправился въ баню къ старику-священнику. Баня, находившаяся въ глубинѣ двора, была еще болѣе ветхая, чѣмъ изба, въ которой помѣщалось семейство пономаря. Покосившаяся на бокъ, она одной стороною почти на половину вросла въ землю, вмѣстѣ съ единственнымъ своимъ маленькимъ скривившимся окномъ. Тусклыя, разби-

ыя и склеенныя стекла едва пропускали свѣтъ, и совершенно прокопченныя стѣны бани настолько увеличивали внутреннюю темноту, то, войдя со свѣта, не сразу было можно что-либо видѣть. Освоившись ъ темнотою, отецъ прежде всего посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда му услышалось тяжелое кряхтѣнье. Онъ увидѣлъ лежащаго на соломѣ удаго, дряхлаго и больнаго старика-священника. Отозвавшись на привѣтъ отца едва слышно и слабымъ голосомъ, старикъ закрылъ глаза, акъ бы давая этимъ замѣтить, что не намѣренъ продолжать разговоръ.

— Вы очень нездоровы? спросилъ отецъ.

— Съ годъ лежу, не двигаюсь, отвѣчалъ старикъ, крехтя и почти епотомъ.

— Мнѣ совѣстно васъ безпокоить; но дѣло, по которому я пришелъ, такъ важно, что я не желалъ-бы откладывать нашу бесѣду. Можете ли вы меня выслушать и откровенно отвѣчать на мои вопросы?

Молчаніе старика заставило отца заподозрить его въ глухотѣ, а потому онъ повторилъ свой вопросъ нѣсколько громче.

— Я слышу, отвѣчалъ священникъ внятно и болѣе твердымъ голосомъ,—чего вы хотите отъ меня?

— Вы конечно помните, что вы вѣнчали маіора Подымова; объясните пожалуста, какъ это случилось, что въ обыскной книгѣ за 1814 годъ бракъ этотъ нигдѣ не записанъ?

Вопросъ этотъ встревожилъ больнаго; онъ заворочался на своей соломѣ; потомъ, съ трудомъ переворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ, проговорилъ громко и очень скоро: «Никогда не вѣнчалъ. Ничего не помню. Не мучьте меня, я боленъ, я не могу говорить. Оставьте меня».

Въ голосѣ больнаго слышалось раздраженіе; но было-ли оно слѣдствіемъ досады, что его тревожатъ, или же встрепенулась совѣсть отъ напоминанія о тяжкомъ преступленіи, рѣшить было трудно. Послѣднее предположеніе однако показалось отцу болѣе вѣроятнымъ, и потому вотъ приблизительно съ какими словами онъ обратился къ старику:

— Собранныя мною данныя положительно убѣждаютъ, что покойникъ Подымовъ былъ вами вѣнчанъ, и ваше упорное отрицаніе этого факта не можетъ повліять на исходъ дѣла; дѣйствительность брака несомнѣнно будетъ признана. Но я не скрою отъ васъ, что для облегченія правосудія, было-бы весьма важно знать, почему этотъ бракъ нигдѣ не записанъ. Вы лучше другаго можете это объяснить, потому что записываніе въ книгу составляло вашу обязанность, и книга находилась у васъ въ рукахъ, когда возникло дѣло о законности брака. Вы подписали и выдали вдовѣ Подымова копію съ записи, упомянувъ при этомъ, что въ подлинной обыскной книгѣ бракъ записанъ на 14-мъ листѣ. Какимъ же образомъ на этомъ листѣ, вмѣсто этого брака, за-

писанъ другой, и по тщательному осмотру не видно, чтобы запись была сдѣлана по подчищенному? Если въ былое время, подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій, вы рѣшились способствовать преступленію, то неужели узнавъ о смерти несчастной, опозоренной матери опозоренныхъ и ограбленныхъ дѣтей, совѣсть ваша не пробудилась и не заставила васъ съ ужасомъ взглянуть на послѣдствія лжи вашей, уничтожившей честное семейство? Не можетъ быть, чтобы подобныя мысли не смущали спокойствія вашего. Не можетъ быть, чтобы въ продолжительной и тяжкой болѣзни вашей вы не видѣли бы посланнаго вамъ наказанія. Послушайте, ваши годы и болѣзненное состояніе должны напомнить вамъ о приближеніи времени отдать отчетъ передъ Богомъ. У васъ у самихъ есть дѣти и даже внуки,—что̀ сжели за грѣхъ вашъ на нихъ обрушится гнѣвъ Божій? Не заглушайте въ себѣ пробужденія добраго чувства, пользуйтесь временемъ примириться съ совѣстью. Не уносите въ могилу тайны, которая можетъ возстановить имя и права ограбленныхъ сиротъ.

— Не могу, отвѣчалъ священникъ,—не могу, повторилъ онъ съ отчаяніемъ, и затѣмъ какимъ-то глухимъ голосомъ добавилъ: я далъ клятву.

— Неужели для раскаянія требуется болѣе мужества, чѣмъ для рѣшимости сдѣлать безчестный поступокъ? Вы боитесь нарушить клятву, данную вами для сокрытія преступленія, но не боитесь умереть безъ покаянія! Имѣя въ своихъ рукахъ вѣрное средство исправить сдѣланное вами зло, вы колеблетесь. Не отягчайте души своей новымъ грѣхомъ,—лучше поспѣшите чистосердечнымъ раскаяніемъ очистить свою совѣсть.

Старикъ нѣсколько приподнялся, перекрестился и, обѣими руками ухватясь за руку отца моего, сказалъ сквозь слезы:—Спасибо вамъ, спасибо! Вы вразумили меня.

Затѣмъ послѣдовалъ разсказъ, сущность коего заключается въ томъ, что въ Сентябрѣ 1814 г. онъ дѣйствительно, вмѣстѣ съ причтомъ, вѣнчалъ, въ церкви села Коптева, помѣщика Подымова на Еленѣ Ивановой; бракъ этотъ былъ записанъ въ обыскной книгѣ, и обыскъ подписанъ поручителями. Книга хранилась въ церкви и была совершенно цѣла; но года четыре тому назадъ, книга та Консисторіею была вытребована, вмѣстѣ съ метрическими книгами, а также вытребованы были въ Консисторію самъ священникъ и сынъ его, пономарь Яковъ. Кѣмъ были въ Консисторіи эти книги испачканы, измочены и сгноены, не знаетъ; только все это дѣлалось подъ руководствомъ секретаря Консисторіи Попова, который ему, священнику, и сыну его пономарю приказывалъ переписывать нѣкоторыя книги вновь, съ какихъ-то черновыхъ

копій, говоря, что за многіе годы будто не оказалось книгъ по церкви с. Коптева. Книги переписывалъ сынъ священника, пономарь Яковъ. Обо всемъ этомъ священникъ доселѣ не показывалъ по настоянію секретаря и вслѣдствіе обнадеживанія преосвященнымъ, что за это штрафу не подвергнешься, причемъ преосвященный обѣщалъ дать жениха ко внукѣ его, священника, дочери пономаря Якова, на его священническое мѣсто. На основаніи этого обѣщанія была принята преосвященнымъ и просьба отъ священника; но послѣ сказано, что обѣщаніе исполнится *по окончаніи Подымовскаго дѣла.* Въ этомъ-же родѣ, но съ незначительными измѣненіями, было дано показаніе пономаремъ Яковымъ Орловскому губернатору, въ присутствіи Губернскаго Правленія и губернскаго прокурора. Показаніе-же священника было провѣрено на квартирѣ его командированнымъ отъ Губернскаго Правленія ассессоромъ, при полиціймейстерѣ и уѣздномъ стряпчемъ.

Вскорѣ отцу моему удалось получить еще важное свѣдѣніе по этому дѣлу; оно заключалось въ сознаніи одного изъ членовъ Консисторіи, протоіерея Максимова, дѣятельнаго участника въ порчѣ и сокрытіи документовъ. Онъ объяснилъ, что 14-й листъ изъ обыскной книги вырванъ и, вмѣстѣ съ другими вырванными листами изъ другихъ книгъ, хранится въ архивѣ на такой-то полкѣ, въ особой связкѣ различныхъ разрозненныхъ документовъ. Чтобы отсутствіе этого листа сдѣлать незамѣтнымъ, углы всѣхъ остальныхъ листовъ, начиная съ 14-го, были отмочены и всей книгѣ данъ видъ какъ-бы пострадавшей отъ продолжительнаго нахожденія въ сыромъ мѣстѣ и поврежденной крысами. Если считать листы не по нумерамъ, выставленнымъ на углахъ первыхъ листовъ, а по скрѣпѣ, то на 14-мъ листѣ книги недостаетъ двухъ слоговъ скрѣпы, и такимъ образомъ откроется, что этотъ листъ въ сущности не 14-й, а 15-й.

Преосвященный Гавріилъ, епископъ Орловскій, принадлежа прежде къ бѣлому духовенству, былъ законоучителемъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, когда отецъ мой былъ кадетомъ. Встрѣтившись въ Орлѣ, уже при иныхъ условіяхъ, преосвященный всегда оказывалъ моему отцу большое вниманіе. Онъ откровенно бесѣдовалъ съ нимъ о злоупотребленіяхъ секретаря Консисторіи, и какъ-бы въ доказательство выказываемаго сочувствія къ предпринятому отцомъ моимъ обнаруженію истины по дѣлу Подымова, ни разу не пропускалъ лично находиться въ архивѣ, когда отецъ отыскивалъ тамъ пропавшіе документы. Сдѣланное членомъ Консисторіи признаніе заставило отца просить архіерея вновь допустить его въ архивъ. И на этотъ разъ они пришли туда вмѣстѣ; а вскорѣ пріѣхалъ и прокуроръ, заранѣе приглашенный отцомъ прибыть въ архивъ, къ условленному времени. Начался пересмотръ дѣлъ.

Архиваріусъ бросался къ полкамъ съ какою-то поспѣшностію, чтобы достать дѣла, которыя отецъ назначалъ. Каждый разъ, когда осмотрѣнное дѣло не заключало разыскиваемыхъ свѣдѣній, архіерей, указывая прокурору на отца моего, дѣлалъ добродушно шутливымъ тономъ замѣчанія: Вотъ такъ-то, который разъ при мнѣ онъ перерываетъ мой архивъ! Напрасно, другъ мой, себя только утруждаешь; ужъ ежелибы было что, такъ давно-бы отыскалось.

— Ну на этотъ разъ можетъ быть и отыщу, отвѣчалъ отецъ и, указывая архиваріусу на одну связку, выглядывавшую на верхней полкѣ изъ-за другихъ дѣлъ, попросилъ ее достать ему.

Архиваріусъ бросился опрометью и, будто не понявъ указанія, подалъ другую.

— Не эту, а ту что возлѣ, повторилъ отецъ, указывая пальцемъ на связку.

Услужливый архиваріусъ опять бросился искать, но совершенно въ противоположной сторонѣ. Тогда отецъ, взобравшись по лѣсенкѣ, самъ досталъ эту связку. И преосвященный, и архиваріусъ, въ одинъ голосъ, поспѣшили предупредить отца, что искать въ этой связкѣ напрасно, что тамъ хранятся разрозненные документы отъ разныхъ дѣлъ другихъ годовъ. Но отецъ уже началъ развязывать папку, и при этомъ, взглянувъ на архіерея и на услужливаго архиваріуса, не могъ не замѣтить выказавшагося на ихъ лицахъ смущенія. Смущеніе значительно увеличилось, когда отецъ вытащилъ изъ среди этихъ бумагъ вырванный изъ обыскной книги листъ, на которомъ былъ записанъ бракъ Подымова. Опечатавъ связку печатями, своею и прокурорскою, отецъ сталъ прощаться съ архіереемъ. Всѣ вышли изъ архива молча. У подъѣзда отца дожидался экипажъ, въ которомъ онъ предложилъ прокурору отправиться съ нимъ сейчасъ-же къ губернатору.

— Полковникъ, какъ-то нерѣшительно сказалъ архіерей, прошу васъ, зайдите ко мнѣ хоть на минуту; вѣдь это тутъ-же, въ этомъ-же домѣ. Всѣ трое отправились на архіерейскій подъѣздъ. Молча дойдя до пріемной, архіерей обернулся къ отцу и его одного попросилъ въ слѣдующую комнату.

— Вы губите меня, сказалъ архіерей, оставшись вдвоемъ съ отцемъ моимъ. Скройте это дѣло, прошу васъ.

— Исполняя вашу просьбу, отвѣчалъ отецъ, я бы поступилъ несправедливо и нечестно; а вы сами, будучи моимъ законоучителемъ, внушали мнѣ, что любовь къ Богу человѣкъ можетъ доказать, поступая всегда честно и справедливо. До сихъ поръ я неуклонно слѣдовалъ этому ученію и не отступлюсь отъ него никогда.

Архіерей опустилъ голову и сильно призадумался. Онъ не слышалъ, какъ отецъ съ нимъ прощался и даже не очнулся, когда отецъ уходилъ изъ комнаты.

Сѵнодъ окончилъ пересмотръ дѣлопроизводства Консисторіи, и составленное по сему опредѣленіе было оберъ-прокуроромъ Сѵнода доложено Государю. Императоръ Николай утвердилъ рѣшеніе Сѵнода, заключавшееся въ слѣдующемъ: бракъ маіора Подымова съ Еленою Ивановою, какъ не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, признать дѣйствительнымъ и прижитыхъ въ оном дѣтей законнорожденными, а затѣмъ рѣшеніе Орловскаго епархіальнаго начальства, какъ неправильное, отмѣнить. Предоставить епархіальному начальству войти въ разсмотрѣніе поступковъ духовныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ злоупотребленіямъ и подлогамъ въ семъ дѣлѣ. Секретаря Консисторіи и архиваріуса отрѣшить отъ должности и отослать къ суду въ свѣтское правительство.

Утверждая это рѣшеніе, Государь повелѣлъ: «*Совокупно съ дѣйствіями чиновниковъ Консисторіи разсмотрѣть въ судѣ и поступки по дѣлу сему самого истца, подполковника Подымова, который сталъ отрицать по смерти брата его вѣнчаніе съ Еленою Ивановою, тогда какъ при жизни самъ признавалъ оное, что доказываетъ собственноручная подпись его на журналѣ дворянской опеки, гдѣ Иванова названа именно маіоршею Подымовою.*»

Сенатъ распорядился имѣніе возвратить малолѣтнымъ. По разсмотрѣніи же дѣйствій гражданскихъ чиновъ по производившемуся, по высочайшему повелѣнію, слѣдствію надъ лицами прикосновенными къ этому дѣлу, было постановлено рѣшеніе, опредѣлявшее мѣру взысканія каждому изъ виновныхъ.

Доложенное Государю рѣшеніе это было высочайше утверждено съ тѣмъ, *чтобы о поступкахъ виновныхъ было указомъ Сената опубликовано по всей Имперіи.*

Епископъ Орловскій былъ перемѣщенъ въ Екатеринославъ, а нѣсколько времени спустя губернаторъ и почти всѣ служащіе были замѣнены новыми лицами.

Извѣстясь о высочайшей резолюціи, утверждавшей рѣшеніе Сѵнода о признаніи брака Подымова дѣйствительнымъ и дѣтей законнорожденными, А. Х. Бенкендорфъ поручилъ: „*увѣдомить подполковника Жемчужникова, который конечно найдетъ въ этомъ награду за ревностное содѣйствіе свое въ семъ добромъ дѣлѣ.*“ Отецъ всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ эту любезность бывшаго своего начальника, но

еще съ бо́льшимъ удовольствіемъ онъ вспоминалъ о томъ, что ходатайство его объ опредѣленіи малолѣтныхъ Подымовыхъ въ Кадетскій Корпусъ было уважено. Высочайшею властію они были опредѣлены во 2-й Кадетскій Корпусъ. Въ сообщеніи объ этомъ моему отцу присовокуплено, *что на него возлагается привезти этихъ сиротъ въ Петербургъ въ довершеніе оказаннаго имъ благодѣянія, коего первымъ виновникомъ былъ онъ.*

*

Прибавлю еще черту, которая въ наши дни можетъ показаться даже невѣроятною, но которая тѣмъ не менѣе вѣрна. По окончаніи Подымовскаго дѣла, отецъ мой тѣмъ же владыкою былъ приглашенъ вечеромъ на чашку чаю. Когда онъ явился въ назначенный часъ, его провели прямо въ домашнюю церковь преосвященнаго, и только что отецъ мой вошелъ въ церковь, какъ хоръ пѣвчихъ грянулъ какой-то привѣтственный гимнъ. Архіерей, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ изъ царскихъ дверей, сказалъ краткое слово въ похвалу отцу моему, просилъ у него прощенія и примиренія съ нимъ. Послѣ того какъ отецъ приложился къ кресту, архіерей передалъ крестъ дьякону, а самъ обнялъ отца и сталъ его цѣловать. Въ это время изъ другихъ боковыхъ дверей вышли два дьякона: одинъ державъ серебряный подносъ, на коемъ стояли два бокала; а у другаго въ рукахъ была бутылка Шампанскаго. Когда бокалы были налиты, а протодіаконъ провозгласилъ тостъ за здравіе боярина Михаила, архіерей опять поцѣловался съ отцемъ чокнулся, и оба выпили по бокалу [1]).

Позднѣе, Орловскіе жители были оповѣщены, что въ такой-то день преосвященный будетъ послѣдній разъ служить въ соборѣ и послѣ обѣдни простится съ паствою. Въ соборъ съѣхалось все начальство, и народу набралось много. Служба была какъ-то особенно торжественна. Передъ тѣмъ, что архіерею говорить слово, протодіаконъ подошелъ къ моему отцу и, отъ имени преосвященнаго, попросилъ его стать впереди на мѣсто, которое онъ ему и указалъ. Началъ свое слово архіерей такъ: «Миръ оставляю я. Миръ даю вамъ», добавилъ онъ, указывая на моего отца. Слово было коротко, но сказано съ чувствомъ, и заключало въ себѣ что-то въ родѣ публичнаго покаянія и совѣта каждому жить честно и не поддаваться искушеніямъ дьявола.

---

[1]) Въ „Спискахъ Іерарховъ“, поставленныхъ П. М. Строевымъ (Спб. 1877, стр. 905) значится епископомъ Орловскимъ Гавріилъ Розоновъ съ 18 Сентября 1821, переведенъ въ Екатеринославъ 22 Мая 1828.

Секретарь Консисторіи, Сергѣй Алексѣевичъ Поповъ, началъ свою службу въ Тифлисѣ, будучи, кажется, пѣвчимъ у А. П. Ермолова, и оттуда попалъ въ секретари Консисторіи. За Подымовское дѣло былъ онъ *отрѣшенъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы никуда не опредѣлять его;* но, по рекомендаціи Ермолова, онъ былъ снова принятъ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ В. В. Левашовымъ, у котораго и состоялъ чѣмъ-то въ родѣ прислуги. За службу его въ Кіевѣ, по ходатайству Левашова, послѣдовало снятіе штрафа, что̀ дало ему возможность быть впослѣдствіи, въ чинѣ статскаго совѣтника, совѣтникомъ питейнаго отдѣленія Орловской Казенной Палаты, но и оттуда его выгнали. Поповъ умеръ лѣтъ 15-20 тому назадъ, оставивъ послѣ себя значительное состояніе.

Александръ Жемчужниковъ.

Мартъ 1877 года.